

М. А. ВОЛЧКЕВИЧ

Про чудеса и чудаков: роман Гамсуна «Пан» и пьеса Чехова «Дядя Ваня»

Тема «Чехов и Гамсун» — одна из любопытных и перспективных в сравнительном литературоведении. Она ждет нового осмысления роли и места Кнута Гамсуна в русском искусстве. Важнейшая предпосылка здесь — исключительная в своем роде судьба произведений Гамсуна в России на протяжении XX века: громкий успех на рубеже XIX–XX столетий, затем почти забвение, фактический цензурный запрет и недавнее возвращение в круг чтения на волне исторических перемен.

На рубеже веков творчество Гамсуна было чрезвычайно популярно в России. Романы Гамсуна переводили и издавали, его пьесы шли на сцене Художественного театра вместе с пьесами Чехова, Ибсена, Метерлинка. Андрей Белый, младший современник норвежского писателя, иронизировал: «К исходу столетия сел на обложке печатаемых дикарей “Скорпион”, хвост задрал предложением читать Кнута Гамсуна в тонком, лежавшем в пылях переводе С. А. Полякова»*.

В 1905–1907 гг. издательство В. М. Саблина выпустило собрание сочинений Гамсуна, его печатали в сборниках «Знания». Интересно, что в сознании читающей публики и критики имя Кнута Гамсуна сопрягалось не только с именами «новых художников слова» (таких как Ибсен и Метерлинк), но и с именем Чехова. В книге «Начало века» Белый приводит свой спор с отцом: «...с пожимом плеч читает Чехова, не принимает Горького... негодует на дух отчаянья в Ибсене, хохочет над Метерлинком... я же... прославляю Гамсуна»**.

К. С. Станиславский, в 1905 году приступая к работе над «Драмой жизни» Гамсуна, просил О. Л. Книппер-Чехову, отдыхавшую в то время

---

* *Белый А.* Начало века. М.; Л., 1933. С. 375.

** Там же. С. 375; *Станиславский К. С.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1954. С. 306–307.

в Норвегии, встретиться с автором и узнать у него, «нужно ли играть пьесу реально (как Чехов) или как-нибудь иначе а la Метерлинк».

Критика конца XIX — начала XX века также сравнивала Гамсуна и Чехова, по преимуществу драматургические приемы и новаторство двух авторов. Отношение самого Чехова к творчеству Кнута Гамсуна известно благодаря двум свидетельствам — Александра Куприна и Федора Батюшкова. В 1911 году Батюшков писал: «...Кнут Гамсун бесспорно талантливый писатель, пользующийся в России особой популярностью, отчасти благодаря Чехову, который одно время очень носился с его “Паном”, хвалил, восхищался, всячески пропагандировал»*. Куприн вспоминал, что Чехов называл роман Гамсуна «Пан» (1894) «чудесным и изумительным»**.

Что могло привлечь Чехова в романе Кнута Гамсуна «Пан»? Может быть, волнующие того и другого художника взаимоотношения природы и человека «нового времени», «гордого человека»? Власть стихийного начала в человеке, власть природы над ним — одна из основных тем творчества Гамсуна. Чехова в этих взаимоотношениях волнует забвение и разрушение человеком самого себя, а следовательно, и окружающего мира. Тема потерянной целостности, отпадения от красоты природного, естественного мира проходит сквозь все творчество Чехова, начиная с повести «Степь» и заканчивая «Вишневым садом». Писатель вступает в большую литературу повестью, где напряжение диктуется не действием как таковым, но интенсивным осмыслением новых впечатлений и встреч, где главные события происходят в душе ребенка, который созерцает и наблюдает природу в поездке, на сломе жизни. Странствуя с обозом по степи, мальчик Егорушка переживает чудесные, волнующие, пугающие встречи, в которых природа предстает очеловеченной, живой и бесконечно меняющейся. Несомненно, Чехова привлекают непредвзятость и поэтичность такого наивного взгляда. Егорушка пока еще неразделим с природой. Степь и все, что случается с ним, воспринимаются сознанием мальчика как реальность и сказка одновременно.

Любопытно, что Гамсун, совершивший в 1899 году долгожданную поездку в Россию и на Кавказ, назвал свою книгу «В сказочном царстве». Норвежский писатель проездом был в Ростове, совсем недалеко от тех мест, которые описаны в повести Чехова. «Где-то в степи сверкают огни деревень, больше ничего не видно. Время от времени мелькает одинокий огонек, горящий в какой-нибудь крытой соломой избе, где живут, наверное, очень бедные люди»***, — писал Гамсун. Автор заметок не знал

* Батюшков Ф. Кризис «театральщины» // Современный мир. 1911. № 5. С. 219.

** Куприн А. И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1958. С. 589.

*** Гамсун К. В сказочном царстве. М., 2005. С. 26.

русского языка, однако всеми силами души желал понять и лучше узнать чужую страну. В своих путевых заметках, субъективных, восторженных, полных непонимания и недопонимания, Гамсун во многом демонстрирует тот самый детский поэтический взгляд, когда вымысел и игра фантазии не менее значимы, чем реальность. Неслучайно Гамсун дал своей книге подзаголовок «Мечты и впечатления о Кавказе».

Идея Гамсуна о том, что увиденную своими глазами обыденную жизнь можно изобразить и как мечты, созвучна словам Треплева в «Чайке», когда он говорит Нине Заречной о своей странной пьесе: «Надо изображать жизнь не такую, как она есть, а такую, как она представляется в мечтах» (13, 11). Роднит повесть «Степь» и книгу о сказочном путешествии и то, что обе они чрезвычайно автобиографичны. В повести Чехова, отсылающей к временам его детства, и в путевых заметках Гамсуна нет разрыва между человеком и природой. Ребенок, как и очарованный странник, непосредствен и искренен в своих чувствах. В повести Чехова «Дуэль», написанной через три года после «Степи» (и после путешествия писателя на остров Сахалин), разрыв человека и природы очевиден. Горы Кавказа, экзотическая, вычурная красота этого края оттеняют «горы лжи», неестественность, ложность ситуации, которую создал вокруг себя главный герой Лаевский.

Однако наиболее интересными для сопоставления мотивов и сюжета романа «Пан» и произведений русского писателя представляются две «природные» пьесы Чехова — «Чайка» и «Дядя Ваня», почти совпадающие с романом Гамсуна по времени создания. На скрытые и явные параллели романа «Пан» и пьесы «Чайка» исследователи уже обращали внимание*. Герои этих произведений, Константин Треплев и лейтенант Глан, во многом схожи в своем трагическом мироощущении. Их объединяет драматический разлад с действительностью, неумение или невозможность найти согласие с близкими и дальними, обостренное самолюбие и мучительная тяга к естественной, первозданной красоте окружающего мира.

Характерно, что и сама природа как таковая в «Чайке» и «Пане» как будто одна и та же. Действие романа Гамсуна происходит на севере Норвегии, около моря. Пейзаж романа — это берег, шхеры, лес, одинокая сторожка. Действие «Чайки» разворачивается на фоне «колдовского озера». Но попытки найти покой и даже новое божество в природе обо-

---

* См., например: Долотова А. М. «Зачем срубили березки и сосновый бор?» (От «наивного» Лешего — к «Дяде Ване») // Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. М., 1990. С. 83–91; Шейкина М. А. А. Чехов, К. Гамсун и А. Ахматова («Чайка в контексте “серебряного века”») // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 127–132; Разумова Н. Е. «Чайка» А. П. Чехова и «новая драма» // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 117–128.

рачиваются в романе Гамсуна и пьесе Чехова новыми человеческими драмами и страданиями. Герои «Пана» и «Чайки» мистически ощущают себя сопричастными силам природы и готовы верить в ее живое присутствие. Однако эпизоды, связанные с охотой и бессмысленным убийством живого существа, в обоих произведениях подчеркивают невозможность какой-либо гармонии. Природа не может спасти такого героя. Он способен существовать лишь на обочине «большого мира», вдали от людей. Записки Глана заканчиваются характерным признанием: «Ну, вот я и написал все это для собственного удовольствия, и позабылся, как мог. Ничто не мучит, не гнетет меня, мне бы только уехать, куда — и сам не знаю, но подальше, может быть, в Африку, в Индию. Потому что я могу жить только совсем один, в лесу»*. Финал романа Гамсуна, своеобразное подведение неутешительного жизненного итога, созвучен знаменитой реплике другого героя чеховской драматургии — доктора Астрова. Пьеса «Дядя Ваня», имеющая подзаголовок «сцены из деревенской жизни», была написана вслед за «Чайкой», в 1896 году. В последнем действии, перед окончательным отъездом из имения Войницких, доктор подходит к карте и произносит фразу, не имеющую ни малейшего отношения к сюжету: «Придется в Рождественном захватить к кузнецу. Не миновать. (*Подходит к карте Африки.*) А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело!» (13, 114). Толкованию самой реплики об Африке посвящен целый ряд интересных статей. Каждая интерпретация расширяет контекст и подтекст слов героя. В связи с финалом романа «Пан» аллюзии и совпадения не могут быть как однозначно исключены, так и безусловно доказаны. Но можно говорить о психологическом портрете персонажа, о конфликте, который в равной мере интересует норвежского и русского писателя.

В «Дяде Ване» Чехов возвращается к излюбленному сюжету своей юности — к истории о «лешем», чудаке, добровольном отшельнике. В «Дяде Ване» «лешим», человеком, пекущимся о лесах, становится доктор Астров. Неслучайно пьеса начинается с разговора доктора Астрова и няньки Марины, из которого зритель узнает, что доктор приехал «в эти края» лет одиннадцать назад, а может быть, и раньше. Как и о прошлом героя Гамсуна, нам ничего не известно о прошлом Астрова. Он появляется в уезде как будто из ниоткуда. Утаенное, непроясненное прошлое персонажей является одним из важнейших драматургических приемов Чехова. Однако в этой пьесе почти у всех героев — Войницкого, Елены Андреевны, Телегина, Серебрякова — есть воспоминания о минувшем, скупые факты судьбы. Каждый из них про-

---

* Гамсун К. Пан // Фиорды: Скандинавский роман XIX — начала XX века. М., 1988. С. 333.

говаривается, думает о своем прошлом, сравнивает его с настоящим. Серебряков вздыхает о своей университетской жизни, когда он был известным профессором и читал лекции. Дядя Ваня клянет свои былые заблуждения и зря прожитые годы. Красавица Елена Андреевна с недоумением и тоскливой ленью смотрит на тех, кто ее сейчас окружает. В ушедшей юности остались жизнь в столице, учеба в консерватории, большая любовь (пусть и оказавшаяся ненастоящей). Довольны своим прошедшим, т.е. собой и своими поступками, Телегин и Мария Васильевна. Они без жалоб вспоминают минувшее и даже находят в нем утешение. Для юной Сони прошлое, бедное событиями, измеряется годами ее любви к доктору Астрову.

Прошлого, т.е. биографии, нет в пьесе лишь у Астрова. Неизвестно, откуда приехал этот доктор и что привело его сюда. Очевидно, что раз у него есть небольшое имение, он не испытывает острой нужды в деньгах. Врачебная практика для него не является единственным источником существования. Из всех «литературных» врачей, частой фигуры в европейском и русском романе, доктор Астров один из самых странных и необычных. Есть свой врач и в романе «Пан», хромой доктор, спутник и собеседник Глана. Резонер и конфидендент главного героя, он во многом напоминает доктора Дорна из пьесы «Чайка». «Я влюблен в сей мир, — говорил доктор. — Я держусь за жизнь руками и ногами. Но раз уж смерти не миновать, я надеюсь в царствии небесном заполучить местечко где-нибудь над самым Лондоном или Парижем, чтоб слушать гул толпы во веки вечные, во веки вечные»*. Умеющий ценить радости, которые дает жизнь, доктор Дорн делает в пьесе сходное философское признание, когда говорит об уличной толпе в Генуе: «Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная» (13, 49). Доктор Астров в пьесе «Дядя Ваня» во многом напоминает не своего собрата по профессии из романа Гамсуна, но его главного героя, Глана.

Глан, отметивший тридцатилетие, переживший любовную неудачу, пострадавший сам и ставший причиной страданий других, вынужден резко поменять свою жизнь. Он смел, уверен в себе и обладает поистине магнетической привлекательностью в глазах противоположного пола. Типологическое сравнение двух героев могло бы ограничиться внешним сходством. Картины жизни норвежской провинции, сумрачная красота природы, лирические отступления повествователя, полные скрытых

---

* Там же. С. 289.

символов, конечно, не идут в сравнение с ужасающими чертами русского деревенского быта, о которых говорит Астров: «В избах народ вповалку... Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе» (13, 64).

Чувства и поступки Глана аффективированны и странны. Автор подчеркивает его особость, «крайность», экзальтированность. Астров же при всей его тяге к красоте может показаться циничным и вполне материалистичным человеком. Окружающие называют его грубоватым, а Войницкий даже говорит о «пошляческой философии» своего приятеля. Доктор давно уже злоупотребляет водкой. Будучи хорошим, неравнодушным врачом, он позволяет себе делать операции в состоянии алкогольного опьянения. Все так. Однако именно Астрову, не склонному к ложным эффектам и преувеличению своих страданий (чем грешат Серебряков и Войницкий), принадлежит на удивление романтическое, полное драматизма признание. В беседе с Соней он говорит о себе: «Знаете, когда идешь темной ночью по лесу, и если в это время вдали светит огонек, то не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток, которые бьют тебя по лицу... Я работаю, — вам это известно, — как никто в уезде, судьба бьет меня не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нет огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей. Давно уже никого не люблю» (13, 84). Это признание ничем не обосновано, если исходить из сюжета и текста пьесы. Как и почему судьба бьет Астрова не переставая? Отчего он страдает, причем невыносимо? Несчастливыми, ненужными, обманутыми чувствуют себя Соня, Серебряков, Елена Андреевна, Телегин и Войницкий. У каждого из них есть своя история и свое объяснение мнимых или подлинных страданий. Без истории Чеховым оставлен только красивый, свободный, сильный доктор Астров. События, которые заставили его ничего не ждать и не любить людей, могут быть по крайней мере сходными с теми, что пережил мятежный герой Гамсуна. Неудавшаяся любовь, коварство, нелепая гибель близкого человека, в которой невольно виноват и сам лейтенант Глан, — все это красочно явлено в романе «Пан».

Единственной страстью и привязанностью, которая не обманывает обоих героев, является лес. И для Глана и для Астрова он — нечто живое и бесконечно притягательное. Именно у леса они ищут утешения. Именно он дарит им чувство радости. Оба они говорят о лесе в приподнятом, поэтическом стиле. «Лес ты мой милый, мой дом, здравствуй, — хочется мне сказать от всего сердца... Я останавливаюсь, озираюсь во все стороны, сквозь слезы называю имена птиц, деревьев, камней, трав и букашек, оглядываюсь и по очереди их называю. Я гляжу на горы и про себя говорю: иду, иду! — так, словно кто зовет меня. Там, в вышине, свили гнезда соколы, я давно об этом знаю. Но только я вспомнил о соколиных гнездах, и фантазия моя уносит меня далеко-

далеко...»*, — так чувствует герой Гамсуна. «Михаил Львович каждый год сажает новые леса, и ему уже прислали бронзовую медаль и диплом. Он хлопочет, чтобы не истребляли старых. Если вы выслушаете его, то согласитесь с ним вполне. Он говорит, что леса украшают землю, что они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства...», — повторяет влюбленная Соня слова Астрова (13, 72). Коренное отличие героя Гамсуна и героя пьесы «Дядя Ваня» в том, что доктор Астров не просто ищет спасения, прибежища, утешения в природе, как Глан или как другой герой Чехова, Константин Треплев.

Глан и Треплев вдохновлены природой. Однако подлинно природными, естественными людьми они не рождены. Они принадлежат цивилизации, миру людей. Конфликт с людьми неизбежно заставляет их обожествлять природу и стихию в краткие минуты счастья. Когда они несчастливы, они неизбежно наделяют природу мрачными, холодными, едва ли не человеческими чертами. Между тем доктор Астров видит свое призвание не в том, чтобы черпать душевные силы в природной красоте, а в том, чтобы сохранять и оберегать леса. В «Дяде Ване», едва ли не единственный раз у Чехова, дан портрет деятельного человека, защитника, радателя природы. Речь идет не о возделывании земли или собственного сада. Тема сада, как и тема земли, землевладения, достаточно широко представлена в творчестве Чехова. Возделывает сад истовый садовод Песоцкий в повести «Черный монах», владеет землей и стыдится, что земля его глядит на него, «как сирота», помещик Иванов. Рачительно ведет хозяйство в огромном имении Войницкий. Оказывается никому не нужным прекрасный вишневый сад в одноименной комедии. Парадокс в том, что возделывается сад или нет, дает доход земля или же хозяйство в запустении, чеховские герои одинаково несчастливы. Толстовский взгляд на землевладение и землепользование, столь наглядно выраженный в романе «Анна Каренина», равно как и в философских трудах писателя, Чехову не то чтобы чужд. Он для него узок, если только речь не идет о бедности на грани выживания, когда, как говорит крестьянин из «Плодов просвещения», земли так мало, что не то что скотину — курицу, скажем, и ту «выпустить некуда».

Почти одновременно с пьесой «Дядя Ваня» Чехов пишет рассказ «Крыжовник», в котором содержится явная полемика с толстовским

---

* Гамсун К. Пан. С. 297.

рассказом «Много ли человеку земли нужно?». «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» (10, 58), — говорит в «Крыжовнике» рассказчик Иван Чимша-Гималайский.

Был ли Гамсун знаком с рассказом Чехова, опубликованным за год до путешествия норвежского писателя в Россию, неизвестно. Однако в его книге «В сказочном царстве» есть рассуждение о рассказе Толстого «Много ли человеку земли нужно?», том самом, с основной идеей которого полемизирует Чимша-Гималайский. Гамсуновская оценка тезиса Толстого почти дословно совпадает с мнением героя рассказа «Крыжовник»: «Правильнее было бы сказать, что человеку два метра слишком мало, два метра необходимо трупу. С таким же успехом можно утверждать, что человеку не нужны даже и эти два метра. Потому что, во-первых, труп уже не человек, а во-вторых, труп можно и не хоронить. Мыслитель может получить обратно свои два метра»*. В романе «Пан» и пьесе «Дядя Ваня» «масштаб» не ограничен. Доктор Астров видит свое призвание в охране леса и лесов вообще. Елена Андреевна удивляется, что доктор «очень любит» лес, и не верит, что это может быть интересно. Она даже замечает, что это может помешать «настоящему призванию», т.е. медицине. По ее мнению, заботиться о лесах — нечто из разряда общественной пользы. На что Астров вполне серьезно отвечает ей: «Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание» (13, 72). Может быть, эта фраза является ключевой для понимания образа Астрова. Есть профессия, в которой он честен. Фраза о том, что он боится того, что его поднимут среди ночи и «поволокут» к больному, знаменательна. Однако Астров выбрал именно нелегкий труд сельского врача (лечение мужиков, выезды «на эпидемию», незапланированные хирургические операции), а не спокойную городскую практику. Двум женщинам, которым он может доверить свои мысли, Астров признается в том, что заработался и утомлен. Утомлен Астров не только своим беспокойным трудом. Он утомлен людьми вообще.

Слова о том, что он никого не любит, выдают его раздражение на свою собственную жизнь. «Мужики однообразны, очень неразвиты, гряз-

---

* Гамсун К. В сказочном царстве. С. 112.

но живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Все они, наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа — просто-напросто глупы» (13, 84), — говорит он Соне. Обвинение в глупости и мелких чувствах буквально всех окружающих — тревожный симптом. Герой следующей пьесы Чехова «Три сестры», Андрей Прозоров, гораздо менее деятельный и честный, чем труженик доктор Астров, тоже будет обвинять в приземленности и ординарности не самого себя, а весь город, все общество в целом. Несколько раз Астров называет себя чудаком, хотя такие герои пьесы, как тот же Войницкий, Мария Васильевна или Телегин, имеют гораздо больше оснований быть заподозренными в странности поступков, мыслей и чувств. Бывший обожатель профессора Серебрякова, Войницкий, в запальчивости и отчаянии кричит, что из него мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский. Обманутый муж Телегин гордится тем, что пожертвовал всем ради бросившей его жены и прижитых от другого «деточек». «Старая галка» Мария Васильевна уверена, что, как и двадцать лет назад, так и сейчас, живет правильно только потому, что «слушается Александра». Однако чудаком, которого «затягивает эта жизнь», ощущает себя один лишь Астров. Он сетует, что живет среди чудаков и что даже образованные люди из числа его знакомых считают его странным человеком, потому что он не ест мяса и любит лес.

Доктор говорит, что местные, так называемые интеллигенты, ненавидничают, болезненно клеветают, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: «О, это психопат!» или «Это фразер!» Нечто подобное, хотя и не тождественное, ощущает и герой «Пана». Иногда ему кажется, что он может читать в душах других людей. «Вот мы сидим в комнате, несколько мужчин, несколько женщин и я, и я прямо-таки вижу все, что происходит в этих людях, знаю все, что они обо мне думают. Ничто от меня не укроется; вот кровь прилила к щекам, и они загорелись; а то прикинется кто-то, будто смотрит совсем в другую сторону, и тайком, искоса поглядывает на меня. И вот я сижу себе, смотрю, и никому-то невдомек, что я вижу насквозь любую душу. Много лет я был убежден, что умею читать в душах людей. Может, это и не так...»*, — рассуждает сам с собой Глан. Интересно, что два этих сильных, обаятельных и, казалось бы, вполне уверенных в себе человека почему-то не на шутку озадачены тем, что о них думает и какими их видит местное культурное общество. Чужаками, странными людьми они, собственно, объявили себя сами. Когда Глан находится в обществе, он иногда испытывает внезапную тягу к шокирующим выходкам. Астров окружающих не шокирует, однако очевидно, что он не склонен

---

* Гамсун К. Пан. С. 265.

ограничивать себя рамками дозволенных, приятных тем для разговоров. Не они раздражают общество, а, скорее, те люди, с кем им приходится проводить свой досуг, вызывают у них обоим раздражение. Оттого порой и не «попадают» в принятый тон, идут напролом или же глухи, нечутки к эмоциям других людей. Их недостаточная чуткость, неловкость, излишняя прямота в общении с другими людьми — оборотная сторона их чуткости и ловкости, когда они оказываются в своей стихии, т.е. наедине с природой.

«Леший» Астров и живущий в сторожке Глан, про которого говорят, что у него бывает взгляд, как у зверя, утомлены людьми. Они не могут находиться долго в обществе обыкновенной, «приличной» публики. Когда Астров рассуждает о мелкости мыслей своих знакомых, он как будто измеряет свой собственный масштаб, свою величину. Ницшеанская философия, интерес к которой испытывали и Чехов и Гамсун, явно окрашивает настроения героев двух этих произведений. Гамсун, с его презрением к «массам», возвеличивает «духовного аристократа», антиобывателя. Обывателя же, «пошлого» человека, стоящего на страже своих интересов и готового оттолкнуть любого, кто представляет для него малейшую угрозу, в романе Гамсуна воплощает торговец Мак. Удобопонятная мораль и общепринятые суждения неприятны и скучны Астрову. Он буквально чувствует себя «зараженным» этой мертвящей скукой, в чем и признается в самом начале пьесы. А в конце с горькой иронией говорит своему другу Войницкому, что тот не сумасшедший, а всего лишь чудака, шут гороховый. И если раньше он считал всякого чудака больным и ненормальным, то теперь доктор такого мнения, что «нормальное состояние человека — это быть чудаком» (13, 107).

Опасения Астрова, что он выглядит в глазах окружающих чудаком и что чуждость заразно и опасно, — это страх того, что он сам может стать «пошляком», обывателем. Выпив, доктор предается философствованию. Да, в этих признаниях есть доля так называемых «пьяных припадков откровенности», тем не менее они наиболее впечатляюще характеризуют душевное состояние Астрова и его мнение о других: «Как? Да... Надо сознаться — становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян. Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда все нипочем! Я берусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую самые широкие планы будущего; в это время я уже не кажусь себе чудаком и верю, что приношу человечеству громадную пользу... громадную! И в это время у меня своя собственная философская система, и все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками... микробами» (13, 82). Астров — один из немногих чеховских героев, чьи мечты

об общественной пользе, которую он приносит человечеству, подкреплены трудом и неотделимы от его глубоких чувств, от того, что можно назвать личной душевной пользой. Это нужно ему самому. Трудится он не потому, что «должен работать» или же помогать ближнему во имя призрачного долга.

Он признается, что чувствует гордость, когда проходит мимо крестьянских лесов, которые он спас от порубки, и когда слышит, как шумит молодой лес, посаженный его руками. Астров, которому даже близкие иногда представляются «мелкими букашками, микробами», с волнением говорит о том, что климат на земле немножко и в его руках и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко будет виноват и он. Однако этот «гордый» человек в соответствии с замыслом автора обречен. Равно как обречен и герой Гамсуна. Гордость подобных героев оказывается неоправданно большой, непомерной. Непомерна она прежде всего для самих Глана и Астрова. Они отнюдь не презирают ближнего, не считают себя выше и лучше других. Оба они, столь чуткие к природе, к какому-нибудь засохшему сучку или березке, по существу перестали нуждаться в других людях. Физическая красота, телесная близость, свежие эмоции и чувства — вот что манит их. Однако не сам человек как таковой. Оттого чувствительный до экстаза Глан не слышит и не понимает, что переживают любящие его Ева и Эдварда. Астров же не замечает очевидной влюбленности в него Сони. Даже желая завоевать женщину, красавицу Елену Андреевну, доктор не считает нужным хоть как-то узнать и понять ее. Поэтому фразу о том, что Астров давно никого не любит, надо понимать буквально. Такому «гордому» человеку действительно проще быть в одиночестве или там, где говорят совсем на другом языке, где все чужое, даже природа. Оттого и возникает в конце романа «Пан» мечта об Индии или Африке. Астров, покидая дом Войницких, не будет скучать по обитателям этого дома, по-своему любящим его. Ему не хочется уезжать, потому что в доме уютно, тепло, сверчок кричит. С Соней, с Войницким и уж тем более с Телегиным ему не о чем говорить. И вдруг он подходит к карте и говорит о жаре в неведомой Африке. У героя Чехова, как и у героя Гамсуна, «Африка» — это мысленный побег на край света, в природное безлюдье.

Финальная точка в размышлении о «гордом» человеке поставлена в последней пьесе Чехова «Вишневый сад». В ней уже прозвучал звук лопнувшей струны. Не то что лес, но даже сад не нужен никому из наследников имения. Сын тех самых мужиков, от чьей порубки Астров спасал леса, по праву нового хозяина и бывшего крепостного «хватит топором» по вишневым деревьям. Во втором действии пьесы Раневская, Гаев, Трофимов и Лопахин с увлечением продолжают начатый накануне разговор о «гордом» человеке. Исходя из реплики Пети Трофимова, ста-

новится ясно, что для потомственных дворян Раневской и Гаева в гордом человеке есть нечто мистическое. Однако сам «вечный студент», ничем не владеющий и свободный от какой-либо ответственности, возражает: «...если рассуждать попросту, без затей, то какая там гордость, есть ли в ней смысл, если человек физиологически устроен неважно, если в своем громадном большинстве он груб, неумен, глубоко несчастлив. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать» (13, 222–223).

Единственный деятельный герой пьесы, Лопухин, так объясняет свое жизнепонимание: «Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: “Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...”» (13, 223). Именно Лопухин, человек, «начавший делать», говорит о несоответствии человека, такого, какой он есть сейчас, и тех самых громадных лесов и глубочайших горизонтов. Крупность, неординарность Лопухина подчеркивается масштабом сопоставления — человека и всего окружающего мира. Но такой масштаб пугает и отталкивает Раневскую, которая не в силах думать о завтрашнем дне, не то что о лесах и горизонтах: «Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают» (13, 223–224), — сердито обрывает она собеседника.

В элегической повести «Степь» (например, в описании сцены грозы) и в книге «В сказочном царстве» герои восхищались великолепием степи, равнин, гор и были готовы увидеть даже великанов. В романе «Пан», пьесах «Чайка» и «Дядя Ваня» персонажи искали и находили в деревьях, лесе, озере, берегу моря «живую душу», говорили с ними так, как не могли говорить с людьми. Слова Лопухина в «Вишневом саде» уже не трогают ни одного из его собеседников. Впрочем, само обращение взывает не к ответу, но к напоминанию о том, что «человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа».

